

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 316.7(73+410)

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-116-133

Контркультурные движения на заре «долгих шестидесятых» в трансатлантическом контексте

Александра С. Роговцева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, al.rogovtseva@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу контркультурных движений в США и Великобритании во второй половине 1950-х гг., когда нонконформистские течения развивались в пределах своих национальных границ. Применяя компаративный метод для сравнения американского «разбитого поколения» и британских «разгневанных молодых людей» и дискурс-анализ для выявления репертуаров смыслов, заложенных в их произведениях – поэме «Вопль» Аллена Гинзберга и пьесе «Оглянись во гневе» Джона Осборна, автор выделяет нонконформистские контексты, присущие одному из литературных течений, либо характерные для всего поколения «долгих шестидесятых». Выявление последнего позволило автору проверить гипотезу о сходстве этих двух движений, благодаря которому стало возможным культурное взаимовлияние 1960-х гг.

Ключевые слова: нонконформисты, битники, «разбитое поколение», «разгневанные молодые люди», трансатлантизм, монизм, контркультура, «долгие шестидесятые»

Для цитирования: Роговцева А.С. Контркультурные движения на заре «долгих шестидесятых» в трансатлантическом контексте // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 2. С. 116–133. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-116-133

© Роговцева А.С., 2024

Countercultural movements at the dawn of the “long sixties” in a transatlantic context

Aleksandra S. Rogovtseva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
al.rogovtseva@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the countercultural movements in the United States and Great Britain in the second half of the 1950s, when the nonconformist movements were being developed within their national borders. Applying the comparative method to compare the American “beat generation” and the British “angry young men” and using the discourse analysis to identify the repertoires of the meanings embedded in their works – the poem “Howl” by Allen Ginsberg and the play “Look Back in Anger” by John Osborne – the author determines the nonconformist characteristics inherent both to each separate literary movement and to the entire generation of the “long sixties”. The detection of common characteristic features made it possible for the author to test the hypothesis about the similarities between the two movements, and those similarities allowed for the movements’ mutual cultural influence in the 1960s.

Keywords: nonconformists, beatniks, “beat generation”, “angry young men”, transatlanticism, monism, counterculture, “long sixties”

For citation: Rogovtseva, A.S. (2024), “Countercultural movements at the dawn of the ‘long sixties’ in a transatlantic context”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 116–133, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-116-133

Введение

Транснациональный поворот в американских исследованиях не является чем-то новым, поскольку множество работ по обе стороны Атлантики посвящены изучению рабства, колониализма и миграции. Трансатлантическая перспектива приобрела решающее значение для изучения современности, а новые концепции глобализма расширили понимание трансатлантизма за пределы изучения способов, которыми мигранты и изгнанники «ломают барьеры мысли и опыта» [Said 1984, p. 49].

В XXI в. наблюдается значительный рост академического интереса к трансатлантическим исследованиям культуры, искусства и медиа, что связано с попыткой авторов вписать изучаемые явления в мировые социокультурные движения. Это усилило необходимость

понимания местных и региональных сходств и различий, а также генеалогий культурных форм, свойственных различным странам. Новые медиа и цифровые культуры указывают путь к «постнациональному» дискурсу, бросая вызов представлениям о национальной самобытности.

Ярким примером «постнационального дискурса» является творчество представителей контркультурных движений США в период «долгих шестидесятых», которые стали временем глобальных преобразований в социальной, политической и культурной сферах. Это широко изученная тема нашла отражение в работах Р. Вайнена [Вайнен 2020], А. Марвика [Marwick 1998], Г. Коска [Kosc 2013] и О.Ю. Пленкова [Пленков 2023]. Все они посвящены событиям, произошедшим в период 1960-х гг. в США и в Западной Европе, их сходствам и различиям. Однако основное внимание авторов приковано к социальным движениям «новых левых» от студенческих и антивоенных протестов до рабочих забастовок, в то время как контркультурные движения и все то, что с ними связано – психоделическая и сексуальная революция, движение за свободу сквернословия, – лишь упомянуто вскользь.

Данная статья как раз нацелена на анализ феномена контркультур в трансатлантическом контексте, на сравнение нонконформистских литературных движений 1950-х гг. – «разбитого поколения» (The Beat Generation) в США и «разгневанных молодых людей» (The Angry Young Men) в Великобритании с акцентом на общем и особенном. Автор видит свою задачу в том, чтобы проверить гипотезу о сходстве этих двух движений, поскольку, несмотря на тот факт, что американские и британские писатели на первых порах не знали друг о друге, впоследствии произошло «британское вторжение» в США и американизация культуры Великобритании.

Статья имеет ярко выраженный междисциплинарный характер, находясь на стыке истории, политологии, социальных и культурологических исследований, что обусловило использование не только традиционных историко-описательных методов, но и компаративного подхода, а также дискурс-анализа для выявления репертуара смыслов, обусловленного нарративами контркультур.

Каким образом контркультурные движения разрушали границы

Понятие «контркультура» обычно относится к молодежному движению 1950–1970-х гг.: к рок-н-роллу, протестам, наркотикам, сексуальной революции. Мы до сих пор можем наблюдать развитие

феноменов, зародившихся еще в середине XX в., например популяризацию музыкальных и арт-фестивалей или «психоделический ренессанс».

Толчком к возникновению контркультур после Второй мировой войны исследователи считают излишний консерватизм, царивший в обществе [Пленков 2023, с. 189] Однако вместе с тем появление контркультурных движений обусловило крах социальных и психологических систем. Экономические и политические правила, по которым жило послевоенное общество, игнорировали человеческие потребности и желания. Эти правила опирались на тиражированные в то время теории, среди которых особое место занимали научный тейлоризм¹ и викторианская семья². Наступивший в результате кризис идентичности продемонстрировал, что связь личности с обществом и с собой была нарушена, а существующие правила требовали изменений.

Если говорить о глобальной цели любого контркультурного движения, то ее можно сформулировать как создание новой, альтернативной, антиуниверсалистской, антирациональной системы для общества, культуры и личности, призванной заменить привычный уклад жизни. Для начала следует разъяснить каждую вышеперечисленную составляющую.

Новизна. Вторая мировая война стала настоящим потрясением для всего мирового сообщества. Вот почему в 1950-х гг. все хотели «вернуться к норме». «Норма» означала отсутствие каких-либо глобальных вызовов и слаженную работу государственной системы. Но присущий 1950-м гг. консерватизм игнорировал ту проблему, которая зародилась еще до войны, а именно кризис идентичности, порожденный городским, индустриальным и социальным контекстом. Вот почему мотивацией нонконформистов стало отвращение к лицемерию мейнстрима, желание создать новое общество, так как, по их мнению, в то время общество, культура и личность утратили свои ценностные смыслы.

Альтернативность. Смысл контркультуры состоял в противодействии мейнстриму. Исходя из этого, нонконформисты выстраивали свою идентичность не по принципу «за что мы сражаемся», а по принципу «против чего мы боремся» [Вайнен 2020, с. 19]. А боролись они именно с устоявшимся порядком вещей. Фраза «Это

¹ Рабочие – это механизмы, производительность которых может быть оптимизирована с помощью правильного управления.

² Четко определенные гендерные и родительские/детские роли, акцент на разделении между семьей и внешним миром, строгая пожизненная моногамия.

система, чувак!» в то время была объяснением всего того, что было не так с миром. Поэтому «Альтернативный книжный магазин» продавал книги Нью Эйдж – произведения об астрологии, эзотерике, оккультизме; «Альтернативный продуктовый магазин» предлагал покупателям ростки люцерны и тофу; а юристы, принадлежащие к альтернативному течению, поддерживали решения Верховного суда США, такие как «Роу против Уэйда»³ и «Энгель против Витале»⁴.

Антиуниверсализм. Универсализм – утверждение, что правильные вещи верны для всех, везде и всегда. Нонконформисты предлагали свои антиуниверсальные тезисы, они верили в то, что каждый должен избавляться от границ в своем сознании и обретать новый опыт. Именно универсализм губил массовые культурные течения, так как он не предполагал разнообразия и подавлял уникальность людей [Фишман 2012, с. 227–234].

Антирациональность. Представители контркультурных течений отвергали рациональность, которая была основой консервативного образа жизни. Она, как считали нонконформисты, виновата во всех ужасах XX в.: мировых войнах, утрате веры, безудержном материализме, экологической катастрофе, абортах и ядерном оружии.

Огромное значение для контркультур имели новые антирациональные религиозные движения. Контркультуры середины XX в. были монистическими, они брали за основу восточные религии, добавляли к ним немецкий романтический идеализм образца 1800 г., и получилось то, что мы знаем как «Нью Эйдж». Эти новые религии продвигали сверхъестественные практики и преобразующие внутренние переживания («просветление» и «перерождение»), которых можно было достичь с помощью медитаций или запрещенных веществ.

Представители контркультурных движений стремились разрушить границы, исходя из теории, что они были отчуждающими и бесполезно ограничивающими. Примеров такого разрушения было множество: психоделические наркотики, которые стали неотъемлемой частью контркультуры, могли дать ощущение единства со всем

³ «Лицо может сделать аборт до тех пор, пока плод не станет жизнеспособным, на основании права на неприкосновенность частной жизни, содержащегося в пункте о надлежащей правовой процедуре 14-й поправки». См.: Roe v. Wade, 410 U.S. 113 (1973). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/410/113/> (дата обращения 28.05.2023).

⁴ Решение Верховного суда 1962 г., отменившее молитву в государственных школах. Engel v. Vitale (1962) // Cornell Law School. URL: [https://www.law.cornell.edu/wex/engel_v._vitale_\(1962\)](https://www.law.cornell.edu/wex/engel_v._vitale_(1962)) (дата обращения 28.05.2023).

миром, то есть предполагаемого достижения монистической позиции. Эта связь человека с природой была одной из причин возникновения экологического движения, которое началось с публикации книги Р. Карсон в 1962 г.⁵ Сделав еще один шаг в объединении проблем, теоретик контркультуры Т. Росзак продвигал «экопсихологию», стирая различия между естественным, политическим, психологическим и духовным мирами [Roszak 2003].

Политический универсализм контркультуры – движение за гражданские права, антивоенное движение, феминизм – как раз основывался на этой монистической концепции человеческой общности. Феминистский лозунг «личное политично» также выражал сущность контркультурного монизма. Граница частного и общественного как основополагающий принцип викторианской систематики распадалась. Одновременно исчезло и различие между этикой («должен» себе) и политикой («должен» обществу). Стирание различий между собой и другим способствовало разрушению границ между психологией и религией (или «духовностью»). Монистическая религия полагала, что истинное «Я» человека такое же, как Бог и Вселенная [Гришин 2015, с. 116–122]. Таким образом, исследование собственной психологии может дать ответы на метафизические вопросы. Поскольку личное теперь было и политическим, и духовным, исчезло и различие между религией и политикой. Требования политических изменений рассматривались не только как вопрос продвижения одной социальной группой своих материальных интересов против других, но и как отражение Абсолютной Истины, заданной монистическим принципом вечного порядка. В свою очередь, сексуальная революция размывала границы между сексом и браком, тем самым нарушив правила викторианской семьи. Место семьи, по мнению представителей контркультур, заняла коммуна, члены которой, по заветам монизма, существовали как единое целое.

Наиболее классической темой нонконформистского монизма стал выход контркультур за пределы государств, где они зародились. Р.М. Хендершот в обсуждении культурных подходов к изучению англо-американских отношений объяснял это «формированием мощных международных связей, которые существуют за пределами официального аппарата национальных правительств» [Hendershot 2020, p. 459]. Чаще всего это заключалось в культурной связи между Европой и США, которую принято называть трансатлантической.

⁵ *Carson R. Silent spring. Mariner Books Classics, Anniversary edition, 2002.*

Зародился трансатлантизм достаточно давно, еще в XIX в., когда писатели и поэты, такие как Джек Лондон, Томас Стернз Элиот и многие другие, совершали путешествия через океан. Причем как европейской, так и американской богеме эти поездки были в равной степени интересны и полезны для поиска вдохновения, новых впечатлений и опыта. Позже отдельные авторы по тем или иным личным причинам стали пересекать Атлантику с целью непосредственной интеграции в инокультурное, а порой и иноязычное пространство. Благодаря этому они совершенствовали литературные подходы и навыки, перенимали культурные традиции принимающей страны, порождая тем самым новые тенденции. Если приводить примеры новых трендов, причиной возникновения которых стало взаимовлияние американских и европейских контркультурных движений в середине XX в., – это психоделический британский рок (симбиоз британского нашествия, ЛСД и культуры хиппи) или «Новый Голливуд» (слияние французской Новой Волны с мировоззрением хиппи).

Однако особый интерес представляет то время, когда трансатлантические контркультурные связи начинали зарождаться, а национальные нонконформистские движения еще развивались параллельно. Одним из таких примеров является «разбитое поколение» в США и «разгневанные молодые люди» в Великобритании – литературные движения первой половины 1950-х гг., которые заложили основы мировоззрения «поколения долгих шестидесятих».

Кто такие битники и «разгневанные молодые люди»?

Оглядываясь назад, в конец 1930-х гг., Фицджеральд сказал, что «под (потерянным. – А. Р.) поколением я понимаю ту реакцию против отцов, которая, кажется, происходит примерно три раза в столетие. Оно отличается набором идей, унаследованных в измененной форме от безумцев и преступников предыдущего поколения; ...у него есть свои лидеры, и оно вовлекает в свою орбиту тех, кто родился непосредственно перед ним и сразу после него, чьи идеи менее четкие и вызывающие»⁶. Определение Фицджеральда также актуально, когда речь идет об анализе мировоззрения битни-

⁶ Fitzgerald F. My lost city; The crack-up; Pasting it together; Handle with care; Afternoon of an author; Early success; My generation. Musicaum Books. 2017. P. 37.

ков – группы писателей и поэтов, появившихся в США в 1950-е гг., когда в обществе царили консервативные идеалы и ценности.

Однажды Г. Снайдер, поэт, которого причисляют к битникам, сказал, что никакого «разбитого поколения» не существует, так как нельзя назвать поколением группу из трех человек⁷. Действительно, у истоков битничества стояли три писателя – студенты Колумбийского университета Аллен Гинзберг, Джек Керуак и выпускник Гарварда Уильям Берроуз. Позже к литературному движению присоединились десятки писателей, поэтов и художников со всего мира, таких как Г. Корсо, П. Орловски, Н. Кэссиди и другие. Особую роль в зарождении движения сыграл Люсьен Карр, который познакомил «троицу битников» (The Beat Trinity) и вдохновил их на создание «Нового видения».

В конце 1950-х гг. Гинзберг описал поколение битников как «измученных, лежащих на дне мира, но смотрящих вверх; прогницательных, но отвергнутых обществом» [Carmona 2012, p. 2]. В 1980-х гг. Снайдер определил бит-поколение как «особое состояние ума в течение определенного периода времени, где-то с начала 1950-х гг. до середины 1960-х гг., когда джаз был заменен рок-н-роллом, а марихуана – ЛСД» [Carmona 2012, p. 2].

Как уже было сказано, битники, и впоследствии хиппи, строили свою идентичность по принципу «мы боремся со всем, что считается системой», поэтому главным элементом их философии было выступление против общества *squares*⁸. Смысл заключался в том, чтобы усилить различие между представителями монистической контркультуры и конформистами, которых можно назвать дуалистами.

Изначально это проявлялось в литературе и было выражено в пропаганде новых, более свободных форм искусства, таких как поэзия свободного стиля и экспериментальная проза. А позже распространилось на другие сферы жизни. Битники полагали, что революционные изменения последуют за личным освобождением и выпадением из основного общества, что отразилось во фразе Т. Лири “Turn On, Tune In, Drop Out” («Включись, Настройся, Выпадай»). Этот социальный побег принимал различные формы: путешествия Керуака по США автостопом абсолютно без денег, забвение алкоголизма и наркотическую зависимость, свободную любовь, где даже ориентация была способом протеста против мира

⁷ *Charters A.* The portable beat reader. N.Y.: Penguin Book. 2003. P. 1.

⁸ “*Squares*” – люди, которые живут в безопасности, которые застряли в своей зоне комфорта, в привычках и иллюзиях и думают, что их жизнь воплощена во всех мыслимых и немыслимых моральных устоях.

белых воротничков и семейной жизни в пригороде⁹. Стоит также сказать о странном смешении богомного гедонизма и аскетической духовности: битники искали своего рода аутентичность в трущобах и ночлежках низшего класса, а также в спонтанности буддизма с его верой в непостоянство человеческого существования.

«Разбитое поколение» – яркий пример взаимовлияния культуры, зародившейся в США, и европейских, а также восточных культур. Большая часть творческого пути битников, если говорить о главных его представителях Гинзберге, Берроузе, Корсо и Орловски, прошла не в США, а по другую сторону Атлантического океана – во Франции, в Англии, в Марокко. В Танжере были написаны первые строки «Голого завтрака», а в Париже он был закончен и издан¹⁰; в Лондоне прошли первые чтения поэмы «Бомба», которая вызвала неоднозначную реакцию¹¹; а идея для «Кадиша» пришла в голову Гинзберга во время путешествия через Атлантику¹².

Несмотря на то что движение битников не было долговечным, оно оказало огромное влияние на культуру и искусство в США и за их пределами и считается одним из главных прародителей многих других контркультурных движений, таких как хиппи и панк-культура.

По другую сторону Атлантики молодым писателям, которых впоследствии назвали «разгневанными молодыми людьми», также пришлось делать выбор в пользу нонконформизма. По происхождению они принадлежали к среднему классу: об их телах заботилась государственная программа здравоохранения, а их умы питались за счет государственных стипендий в университетах из красного кирпича¹³.

Поскольку они считали себя теми самыми сыновьями, за лучшую жизнь которых боролись их отцы, они решили сражаться против системы. При этом, в отличие от битников, «разгневанные молодые люди» не стремились создать обособленное нонконформистское общество, которое следовало общей цели и было отрезано от *squares*. Они, напротив, хотели стать частью мира богатства и власти.

⁹ Майлз Б. Бит Отель: Гинзберг, Берроуз и Корсо в Париже, 1957–1963. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. С. 92.

¹⁰ Там же. С. 33.

¹¹ Там же. С. 143.

¹² Там же. С. 69.

¹³ «Университеты из красного кирпича» – термин, обозначающий шесть университетов Англии, расположенных в крупных промышленных городах: Бирмингем, Бристоль, Ливерпуль, Манчестер, Лидс и Шеффилд.

Если задуматься, термин «разгневанные молодые люди» не слишком подходит данному литературному движению, что неудивительно, поскольку его придумали не представители движения, а журналисты, которые мало знали об обществе писателей того времени. Интересно, что в Англии упоминание о «разгневанных молодых людях» в некоторых литературных кругах говорило о неадекватности человека¹⁴. В конце концов, в 1957 г. Осборн отверг «культ разгневанного молодого человека» как «дешевую журналистскую выдумку»¹⁵.

Сам термин, по словам Джона Холлоуэя, происходил от названия книги «Разгневанный молодой человек» Лесли Пола¹⁶. Ирония заключалась в том, что в мемуарах Пола речь шла о другом персонаже 1920-х и 1930-х гг., который стремился создать лучший мир с помощью левых «добрых дел». Если у «разгневанных молодых людей» 1950-х г. и было что-то общее, так это то, что они не предпринимали никаких действий, чтобы изменить свою жизнь или текущий статус-кво. В литературных произведениях они зачастую выступали антигероями, поскольку в них не было ничего героического или достойного восхищения.

*Новое видение по-английски:
сходства и различия битников
и «разгневанных молодых людей»*

В Великобритании битники приобрели популярность в конце 1950-х гг.: в 1958 г. на полках книжных магазинов Лондона появилась книга Керуака «В дороге»¹⁷, тогда же Гинзберг и Корсо посетили общество Генри Возна в Новом Колледже, где представили поэму «Бомба»¹⁸, а в 1959 г. в Европе вышла книга Берроуза «Голый завтрак»¹⁹. Кроме того, в том же 1959 г. вышел сборник под названием «Протест. Разбитое поколение и разгневанные молодые люди» под редакцией Джина Фельдмана и Макса Гартенберга²⁰, в которую входили произведения Керуака, Гинзберга и других

¹⁴ *Feldman G.* Protest. The beat generation and the Angry Young Men. L.: A Panther Book. 1959. P. 15.

¹⁵ *Carpenter H.* The angry young men: a literary comedy of the 1950s. Allen Lane, 2002. 256 p.

¹⁶ *Paul L.* Angry Young Men. L.: Faber & Faber; First Edition. 1951. 302 p.

¹⁷ *Kerouak J.* On the road. L.: Penguin Classics. 1957. 412 p.

¹⁸ *Corso G.* Bomb. L.: City Lights Books. 1958.

¹⁹ *Burroughs W.* The naked lunch. L.: Grove Press. 1959. 318 p.

²⁰ *Feldman G.* Op. cit.

битников, а также британских «разгневанных» писателей, таких как Джон Уэйн, Кингсли Эмис, Джон Осборн и Колин Уилсон. Впервые битников и «разгневанных молодых людей» поставили в один ряд, подчеркивая их схожесть. Поэтому именно 1958–1959 гг. автор статьи считает началом распространения влияния американских контркультур на Великобританию.

Однако литературная карьера «разгневанных» британских писателей началась до европейского периода битников, причем весьма успешно. Так, в 1953 г. Уэйн написал свой роман «Спешите вниз»²¹, годом позднее был опубликован «Счастливчик Джим»²² Эмиса, в 1956 г. вышла пьеса «Оглянись во гневе»²³ Осборна, которая считается манифестом этого литературного движения. Поэтому гораздо интереснее рассмотреть творчество именно этого периода, когда оба литературных движения развивались в рамках своих национальных границ, не особенно интересуясь друг другом.

Обратимся к сравнительному анализу работ представителей «разгневанных молодых людей» и «разбитого поколения» в поисках общего (характерного для всего поколения «долгих шестидесятых») и особенного (т. е. присущего одному из литературных течений). В центре анализа будут находиться главные герои наиболее известных произведений битников и «разгневанных молодых людей» – поэмы «Вопль» Гинзберга и пьесы «Оглянись во гневе» Осборна. Выбранные произведения, по мнению автора, отражают ключевые идеи нового видения битников и мировоззрения «разгневанных молодых людей» – так называемый неконформистский дискурс. В центре данного дискурса – неприятие системы и всех ее составляющих – института семьи и брака, образования, работы, религии и т. д.

Стоит сразу оговориться, что выбранные произведения являются автобиографичными, лирический герой – проекция писателя, а мысли героя – продукт рефлексии, т. е. если продолжать аллегорическую цепочку, предложенную Р. Бартом, то «все творчество Бодлера – в его житейской несостоятельности, все творчество Ван Гога – в его душевной болезни, все творчество Чайковского – в его пороке» [Барт 1989, с. 384–391], а все творчество представителей контркультур – в их протесте. Поэтому автору статьи придется часто возвращаться к биографии Гинзберга или Осборна.

Главным методом, который будет использован для выявления «общего и особенного» в мировоззрении битников и «разгне-

²¹ *Wain J.* Hurry on down. L.: Valancourt Books. 1953. 244 p.

²² *Amis K.* Lucky Jim. L.: Cleis Press. 1954. 296 p.

²³ *Osborne J.* Look back in anger. L.: Penguin plays: Faber Drama. 1982. 96 p.

ванных молодых людей» является критический дискурс-анализ. Для анализа «Вопля» подходит модель четырех основных тропов Берка – метафоры²⁴, метонимии²⁵, синекдохи²⁶ и иронии²⁷ [Burke 1969, p. 203], а для «Оглянись во гневе» будет использована теория имплицатур [Грайс 1985, с. 223], которая строится на различии между тем «что сказано» и тем, «что имелось в виду».

Гинзберг, родившийся в семье поэта и преподавателя филологии и обучавшийся в Колумбийском университете, в поэме «Вопль» иронизирует над каждой частью общества *squares*, противопоставляя и даже превознося таких, как он сам. «Лучшие умы моего поколения»²⁸ – с этих слов начинается поэма. В конформистском обществе он видел только зависимость и насилие, и, будучи тем, «кто прошел свои университеты с дерзким сиянием в глазах, галлюцинируя о трагедии Арканзаса и знаменитости Блейка среди знатоков войны»²⁹, он стремился к настоящей свободе – «остаться наедине со своим безумием»³⁰. Выражение «знатоки войны» (“the scholars of war”) также представляется автору статьи иронией, особенно если учесть, что в 1960-е гг. преподаватели университетов активно участвовали в демонстрациях против войны во Вьетнаме [Quarter 1972, p. 11].

Для выявления отрицательных характеристик общества *squares* как аут-групп и положительных особенностей битников как ин-групп [Ван Дейк 2013, с. 22] Гинзберг использует в том числе религиозные образы.

В поэме можно проследить четкое разделение религиозных коннотаций Гинзберга по отношению к своим братьям и всему остальному обществу, противостоящему им. Автор часто употребляет слова «святой» и «ангел», описывая битников. Причем если в начале работы он использует метафоры: «ангелололовые хипстеры»³¹

²⁴ Разновидность образного языка, которая используется как средство сравнения различных образов, принципиально не похожих друг на друга.

²⁵ Фигура речи, в которой предмет или понятие обозначается именем чего-то, тесно связанного с ним.

²⁶ Фигура речи, в которой часть представляет собой целое, или наоборот.

²⁷ Сатирический прием, в котором истинный смысл скрыт или противоречит (противопоставляется) явному смыслу

²⁸ “The best minds of my generation” (*Ginsberg A. Howl and other poems. San-Francisco: City Lights Pocket Poets, 1957. P. 9.*)

²⁹ “Who passed through universities with radiant cool eyes hallucinating Arkansas and Blake-light tragedy among the scholars of war” (*Ginsberg A. Op. cit.*)

³⁰ “Who demanded sanity trials accusing the radio of hypnotism & were left with their insanity & their hands & a hung jury” (*Ginsberg A. Op. cit. P. 15.*)

³¹ “Angelheaded hipsters” (*Ginsberg A. Op. cit. P. 9.*)

или «белокурый, нагой ангел»³², то в послесловии переходит к прямому перечислению: «Святой Питер Святой Аллен Святой Соломон Святой Люсьен Святой Керуак Святой Ханк Святой Берроуз Святой Кэссиди»³³.

Конформистское общество у Гинзберга передано через иудейский образ – Молоха³⁴, который предстает перед читателями «сфинксом из цемента и алюминия»³⁵, который «разворотил им черепа и сожрал их мозги и воображение»³⁶. Слово «Молох» во второй части поэмы повторяется 38 раз. Этим автор демонстрирует, как активно насаждаются консервативные традиции через институт семьи³⁷, институт образования³⁸ и моду на бездумное потребление³⁹. Читатель видит презрение автора к материализму общества того периода, переданное через следующие метафоры: «Молох чей разум идеальный механизм! Молох чья кровь денежные реки! Молох чьи пальцы суть десять армий!»⁴⁰, «Молох чья любовь – нескончаемые нефть и камень! Молох чья душа – электричество и банки!»⁴¹. В этих словах раскрывается отношение Гинзберга к американскому обществу, от которого нужно бежать. И неважно куда, потому что в погоне за американской мечтой можно «переломать себе позвоночники вознося Молоха в Небеса!»⁴².

Главным объектом анализа в пьесе «Оглянись во гневе» является Джимми Портер, который считается собирательным образом

³² “When the blonde & naked angel came to pierce them with a sword” (*Ginsberg A. Op. cit. P. 12*).

³³ “Holy Peter holy Allen holy Solomon holy Lucien holy Kerouac holy Huneke holy Burroughs holy Cassady” (*Ginsberg A. Op. cit. P. 21*).

³⁴ Семитское божество, требующее множества человеческих жертв.

³⁵ “What sphinx of cement and aluminum bashed open their skulls and ate up their brains and imagination?” (*Ginsberg A. Op. cit. P. 17*).

³⁶ *Ginsberg A. Op. cit.*

³⁷ “Moloch who entered my soul early!” (*Ginsberg A. Op. cit.*).

³⁸ “Moloch in whom I am a consciousness without a body! Moloch who frightened me out of my natural ecstasy!” (*Ginsberg A. Op. cit.*).

³⁹ “Moloch! Moloch! Robot apartments! invisible suburbs! skeleton treasuries! blind capitals! demonic industries! spectral nations! invincible mad-houses! granite cocks! monstrous bombs!” (*Ginsberg A. Op. cit. P. 18*).

⁴⁰ “Moloch whose mind is pure machinery! Moloch whose blood is running money!” (*Ginsberg A. Op. cit. P. 17*).

⁴¹ “Moloch whose love is endless oil and stone! Moloch whose soul is electricity and banks!” (*Ginsberg A. Op. cit.*).

⁴² “They broke their backs lifting Moloch to Heaven!” (*Ginsberg A. Op. cit. P. 18*).

всех «разгневанных молодых людей». И образ этот представляется читателю достаточно неприятным, так как с первых строк видна вербальная агрессия Джимми по отношению к Клиффу и Элисон. Стоит сказать, что Джимми не использует обценной лексики. Однако общая стратегия ведения диалога выдает в нем демонстративного, неврастеничного манипулятора.

Джимми контролирует каждый диалог, который начинает, превращая его не столько в разговор, сколько в прерывистую тираду. Все его вопросы, подразумевающие развернутый ответ (“Wh-questions”), часто являются риторическими. Он использует вопрос «почему» не для того, чтобы узнать мнение людей, а, наоборот, чтобы присвоить себе исключительное право на ответ и привлечь внимание. Идею своей исключительности он доказывает путем оскорбления других, называя Клиффа «невеждой» и расширяя его до термина «крестьянин»⁴³ – в метафорическом смысле человека, которому не хватает знаний и опыта. Затем в вербальную цепочку оскорблений добавляется «валлиец»⁴⁴, что демонстрирует презрительное отношение не только к тем, кто ниже Джимми по статусу, но и к тем, кто не является англичанами.

Стоит сказать о теме, с которой начался этот разговор, – Джимми не чувствует себя достаточно образованным, и это ущемляет его самолюбие. Ударение на “you” в одной из строк⁴⁵ подразумевает, что Джимми сам чувствует себя невеждой из-за рецензий, а принижение окружающих заставляет его чувствовать себя лучше, особенно если они на самом деле выше него по социальному статусу, как Элисон.

В той же строке Джимми использует слово «крестьянин» во второй раз чтобы начать атаку на Элисон⁴⁶. В данном случае – в буквальном смысле: Элисон просят подтвердить, что она не принадлежит к крестьянскому сословию. Это является прямой насмешкой: на протяжении всей пьесы Джимми использует происхождение Элисон против нее. Утверждение, с которого он начинает, заключается в том, что Элисон безмозглая только потому, что она принадлежит к привилегированному классу. Это подразумевается

⁴³ “JIMMY: Well, you are ignorant. You’re just a peasant” (*Osborne J. Op. cit. P. 2*).

⁴⁴ “JIMMY: DO that again, you Welsh ruffian, and I’ll pull your ears off” (*Osborne J. Op. cit. P. 3*).

⁴⁵ “JIMMY: I’ve just read three whole columns on the English Novel. Half of it’s in French. Do the Sunday papers make you feel ignorant?” (*Osborne J. Op. cit. P. 2*).

⁴⁶ “JIMMY: Well, you are ignorant. You’re just a peasant. (To Alison.) What about you? You’re not a peasant, are you?” (*Osborne J. Op. cit.*).

во фразе «У нее уже много лет нет ни одной мысли»⁴⁷ или «бремя белой женщины»⁴⁸, то есть женщины привилегированного сословия не могут иметь своего мнения.

Также Джимми использует еще один важный диалогический прием/импликацию, чтобы расширить рамки своей атаки на Элисон. Он апеллирует к тому, что называют «общими предложениями» [Labov, Waletzky 1997, p. 24]: к убеждениям или моральным принципам, лежащим в основе «конформистского» дискурса, не называя их прямо. Речь идет о том, что жены должны поддерживать своих мужей и быть внимательными к ним. Он обвиняет Элисон в том, что ей скучны его разговоры, а она, как его жена, должна быть всегда заинтересована. Этот намек можно увидеть в именах, которые он выбирает для обращения к себе и к ней, подчеркивая супружеские отношения – «старый Портер/миссис Портер»⁴⁹, уничижительное «моя жена»⁵⁰. Его тон жесток и саркастичен, как будто он считает, что у него есть основания обвинять ее в невыполнении своих обязательств, в то время как он выполняет свои, ведя диалог. Помимо иллюстрации техники подразумеваемых предложений, этот диалог демонстрирует противоречия в идеологии Джимми: он порицает Элисон за нарушение условностей буржуазного института брака, которые он сам постоянно осуждает и порицает. Это порождает двойные стандарты – главную составляющую «нонконформистского дискурса» у «разгневанных молодых мужчин». Они не довольны существующим положением дел, но не готовы отречься от конформистских представлений о мире и обществе, они борются с системой, отчаянно желая стать ее частью.

Заключение

«Разбитое поколение» и «разгневанные молодые люди» – первое поколение писателей после Второй мировой войны, когда трансатлантические контркультурные связи только начали разви-

⁴⁷ “JIMMY: Can’t think! (Throws the paper back at him.) She hasn’t had a thought for years! Have you?” (*Osborne J. Op. cit. P. 3*).

⁴⁸ “JIMMY: Well, she can talk, can’t she? You can talk, can’t you? You can express an opinion. Or does the White Woman’s Burden make it impossible to think?” (*Osborne J. Op. cit. P. 2*).

⁴⁹ “Old Porter talks, and everyone turns over and goes to sleep. And Mrs. Porter gets ‘em all going with the first yawn” (*Osborne J. Op. cit.*).

⁵⁰ “JIMMY: Why don’t you get my wife to explain it to you?” (*Osborne J. Op. cit. P. 3*).

ваться. Оба литературных движения существовали в рамках своих национальных границ, и ни о каком влиянии в данном контексте говорить не стоит. С одной стороны, «разгневанные» никогда в своих произведениях не упоминали битников. С другой – существует немало аспектов «идеологии» битников, которые нелегко перенести в Великобританию. Например, их религиозность или увлечение открытыми дорогами.

Главное сходство между «разгневанными молодыми людьми» и «разбитым поколением» заключается в том, что мейнстрим казался представителям этих контркультурных движений бессмысленным и устаревшим, а представления о личности и обществе требовали пересмотра.

Однако сам мейнстрим они видели по-разному. Для битников система была абстрактной, практически неосозаемой. Поэтому Гинзберг сравнил ее с божеством, Молохом. В свою очередь, «разгневанные молодые люди» видели систему прежде всего в людях – в тех, кто женится, в тех, кто ходит в церковь, в тех, кто относится к высшему сословию. Именно поэтому способ борьбы они выбрали разный. Первые, отрицая систему, но будучи безумно влюбленными в людей, стремились создать новое сообщество свободы и самовыражения, а вторые – продолжали искать связь с миром squares, ибо, по их мнению, внутри этого мира находилась истина социальной реальности.

Оба контркультурных движения возникли вследствие послевоенного кризиса идентичности, их появление актуализировало саму идею перемен и помогло подготовить почву для более масштабной культурной и социальной революции 1960-х гг. – в художественной литературе, театре, моде, музыке, СМИ, политике, искусстве, кино, а также гендерных отношениях и сексуальности. В итоге они заложили основы для контркультурных движений, которые впоследствии изменят мир, – хиппи в США и моды в Великобритании. И в этом последующем влиянии также заключалось сходство «разбитого поколения» и «разгневанных молодых людей».

Литература

- Барт 1989 – *Барт Р.* Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
- Вайнен 2020 – *Вайнен Р.* Долгий '68: Радикальный протест и его враги. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 625 с.
- Ван Дейк 2013 – *Ван Дейк Т.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 340 с.

- Грайс 1985 – *Грайс Г.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 218–228.
- Гришин 2015 – *Гришин М.* Субкультура битников и их рецепция дзэн-буддизма в США (вторая половина 50 – середина 60-х годов XX в.) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 5 (67), сентябрь–октябрь. С. 116–122.
- Пленков 2023 – *Пленков О.* «Революция» 1968-го: эпоха, феномен, наследие. СПб.: Владимир Даль, 2023. 473 с.
- Фишман 2012 – *Фишман Л.* Героизм и универсализм // Антиномии: Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Екатеринбург, 2012. Вып. 12. С. 227–234.
- Burke 1969 – *Burke K.* A Rhetoric of motives. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1969. 356 p.
- Carmona 2012 – *Carmona C.* Keeping the beat: The practice of a beat movement. Ph.D. Thesis (Philosophy). College Station: Texas A&M University, 2012. 263 p.
- Hendershot 2020 – *Hendershot R.* ‘Reflecting on the “cultural turn”’: New directions in the study of Anglo-American relations and the special relationship // Journal of Transatlantic Studies. 2020. Vol. 18. No. 4. P. 455–476.
- Kosc 2013 – *Kosc G.* The transatlantic sixties: Europe and the United States in the counterculture decade. Bielefeld: Transcript Verlag, 2013. 322 p.
- Labov, Waletzky 1997 – *Labov W., Waletzky J.* Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Journal of Narrative and Life History. 1997. Vol. 7. No. 1–4. P. 3–38.
- Marwick 1998 – *Marwick A.* The sixties: Cultural revolution in Britain, France, Italy and the United States. N.Y.: Oxford University Press, 1998. 812 p.
- Quarter 1972 – *Quarter J.* The student movement of the sixties. Ontario: The Ontario Institute for studies in education, 1972. 138 p.
- Roszak 2003 – *Roszak T.* Person/planet: The creative disintegration of industrial society. Bloomington, Indiana: iUniverse, 2003. 380 p.
- Said 1984 – *Said E.* The mind of winter: reflections on a life in exile // Harper’s Magazine. 1984. Vol. 269. P. 49–55.

References

- Barthes, R. (1989), “The death of the author”, in *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika, Progres* [Selected works: Semiotics. Poetics], Fontana, London, UK, pp. 142–148.
- Burke, K. (1969), *A Rhetoric of motives*, University of California Press, Berkeley, Los Angeles, USA.
- Carmona, C. (2012), *Keeping the beat: The practice of a beat movement*, Ph.D. Thesis (Philosophy), Texas A&M University, College Station, USA.
- Fishman, L. (2012), “Heroism and universalism”, in *Antinomii: Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN* [Antinomies: Scientific Yearbook of the Institute

- of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], iss. 12, pp. 227–234.
- Grajs, G. (1985), “Logic and verbal communication”, in *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Вып. 16: Lingvisticheskaya pragmatika [The New in Foreign linguistics, iss. 16: Linguistic pragmatics], Moscow, USSR, pp. 218–228.
- Grishin, M. (2015), “Beatnik subculture and their reception of Zen Buddhism in the United States (second half of the 1950s to mid-1960s)”, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstvo*, vol. 67, no. 5, pp. 116–122.
- Hendershot, R. (2020), “Reflecting on the ‘cultural turn’: New directions in the study of Anglo-American relations and the special relationship”, *Journal of Transatlantic Studies*, vol. 18, no. 4, pp. 455–476.
- Kosc, G. (2013), *The transatlantic sixties: Europe and the United States in the counterculture decade*, Transcript Verlag, Bielefeld, Germany.
- Labov, W. and Waletzky, J. (1997), “Narrative analysis: Oral versions of personal experience”, *Journal of Narrative and Life History*, vol. 7, no. 1–4, pp. 3–38.
- Marwick, A. (1998), *The sixties: Cultural revolution in Britain, France, Italy and the United States*, Oxford University Press, New York, USA.
- Plenkov, O. (2023), “*Revol'yutsiya*” 1968-go: epokha, fenomen, nasledie [The “revolution” of 1968: epoch, phenomenon, legacy], Vladimir Dal', Saint Petersburg, Russia.
- Quarter, J. (1972), *The student movement of the sixties*, The Ontario Institute for studies in education, Ontario, Canada.
- Rozzak, T. (2003), *Person/planet: The creative disintegration of industrial society*, iUniverse, Bloomington, Indiana, USA.
- Said, E. (1984), “The mind of winter: reflections on a life in exile”, *Harper's Magazine*, vol. 269, pp. 49–55.
- Van Dijk, T. (2013), *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power Representation of dominance in language and communication], Knizhnyj dom “Librokom”, Moscow, Russia.
- Vinen, R. (2020), *Dolgi '68: Radikal'nyi protest i ego vragi* [The long '68: Radical protest and its enemies], Al'pina non-fikshn, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Александра С. Роговцева, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; al.rogovtseva@gmail.com

Information about the author

Aleksandra S. Rogovtseva, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; al.rogovtseva@gmail.com